

17. РИА Новости. URL: <https://ria.ru> (дата обращения: 05.01.2022).
18. Спорт КП. URL: <https://sportkp.ru> (дата обращения: 05.01.2022).
19. Спорт-экспресс. URL: <https://sport.rambler.ru/mma/47779630> (дата обращения: 05.01.2022).
20. Life. URL: <https://life.ru/p/1198045> (дата обращения 03.01.2022).

© Петрова Е. А.

УДК 811.161.1'276.6:34(091)

Л. В. ПОПОВА, доцент кафедры филологии Миасского филиала Челябинского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент (г. Миасс)

L. V. POPOVA, associate professor of the chair of philology of Miass branch of Chelyabinsk State University, candidate of philological sciences, doцент (Miass).

ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАК ИМЯ КОНЦЕПТА В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

CRIME AS A CONCEPT NAME IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Аннотация. В статье проанализирована структура концепта «преступление» в русской языковой картине мира XI–XIX вв. Изучены данные лингвокультурологических и историко-лингвистических словарей. Сопоставлены способы языковой репрезентации концепта в юридических и неюридических текстах. Рассмотрены особенности использования терминов «преступление», «преступник» в памятниках русского права. Показана роль номинаций «обида», «лихое дело», «злодейство», «воровство», «погрешение» как репрезентантов концепта «преступление». С помощью древнерусского и основного корпусов Национального корпуса русского языка получены статистические данные о функционировании различных имен концепта «преступление» в диахронии. В результате исследования определены этапы эволюции концепта «преступление». Выявлено несоответствие современного и исторического ядра концепта. Констатируется позднее формирование имени концепта «преступление» в русской языковой картине мира. Сделан вывод об исторической сложности структуры концепта «преступление», его связи с константами русской языковой картины мира.

Ключевые слова и словосочетания: имя концепта, концепт «преступление», правовое лингвосознание, юридический термин, юридический язык, ядро концепта, языковая картина мира.

Annotation. The structure of the concept «crime» in the Russian language picture of the world in the 11th–19th centuries analyzed. The data of linguo-culturological and historical-linguistic dictionaries have been studied. The ways of language representation of the concept in legal and non-legal texts are compared. The peculiarities of using the terms «crime», «criminal» in the monuments of Russian law are considered. The role of the nominations «resentment», «dashing deed», «villainy», «theft», «sin» as representatives of the concept «crime» is shown. With the help of the Old Russian and the main corpus of the National Corpus of the Russian language, statistical data on the functioning of various names of the concept «crime» in diachrony were obtained. As a result of the study, the stages of the evolution of the concept «crime» are determined. The discrepancy between the modern and historical core of the concept is revealed. The later formation of the name of the concept «crime» in the Russian language picture of the world was stated. The conclusion about the historical

complexity of the structure of the concept «crime», its connection with the constants of the Russian language picture of the world is made.

Keywords and phrases: *the name of the concept, concept «crime», legal language consciousness, legal term, legal language, the core of the concept, language picture of the world.*

Русские правовые концепты традиционно вызывают интерес в лингвокультурологии, их описания включены в лингвокультурологические словари [1; 2], что подтверждает их этнокультурную значимость в языковой картине мира. При этом недостаточно исследованы следующие аспекты: история формирования концептов, соотношение между различными правовыми концептами, между правовыми и неправовыми концептами, сходства и различия обыденного и профессионального содержания правовых концептов в диахронии и синхронии. Перечисленные аспекты определяют актуальность дальнейшего лингвистического исследования русских правовых концептов.

Объектом данной работы является концепт «преступление», предметом – способы его языковой репрезентации в общерусском языковом сознании и в истории русского юридического языкового сознания (на материале юридических текстов). Необходимость такого сопоставления обусловлена несколькими моментами. Во-первых, правовые концепты входят в национальную языковую картину мира из сферы права, которая является достоверным источником изучения их становления и функционирования. Во-вторых, в донаучный период развития права ключевые правовые концепты обычно насыщаются этнокультурной информацией вследствие ориентации правового мышления на социальные и морально-религиозные нормы, опоры юридического языка на национальный язык, выражающий национальную картину мира. В связи с этим ожидаемые результаты анализа необходимы для оценки степени этнокультурной идентичности правового мышления, для уточнения представления о нормативных и ценностных установках русской культуры. В-третьих, сложившиеся правовые концепты способны трансформировать фрагменты на-

циональной языковой картины мира и оказывать влияние на правосознание, что важно учитывать при развитии правовой культуры.

В Словарь русской ментальности включен ряд культурно значимых номинаций концепта «преступление», дефиниции которых указывают на нарушение юридических норм: «преступление», «преступник», «взятка», «вор» (подразумевается и «воровство»), «грабеж», «жулик», «злодейство», «крамола», «мошенничество», «лихоимство», «разбой», «тать», «убийство», «украсть» [1]. С точки зрения современного языкового сознания, очевидно, именем концепта является «преступление» как родовая номинация – носитель ядерных концептуальных признаков. В качестве гипотезы исследования предлагается тезис о несовпадении современного и исторического ядра концепта. Для проверки гипотезы поставлена цель: анализ исторических форм репрезентации концепта «преступление» в юридическом дискурсе, а также в других сферах коммуникации.

Рассмотрим лингвокультурологическую характеристику концепта. Словарь русской ментальности содержит следующую дефиницию: «Преступление – волевое действие, силой или обманом дерзостно престаупающее закон и обычаи» [1, т. 2, с. 101]. В Словаре констант русской культуры Ю. С. Степанова отдельной статьи о концепте «преступление» нет, его ядро характеризуется в рамках статьи «закон»: «преступник» – тот, кто «перешел положенный предел» [2, с. 573]. Аналогично объясняет внутреннюю форму имени концепта В. В. Колесов: «преступление» – это переход за черту (за кон), нарушение закона [3, с. 526]. На основе анализа словарных статей можно выделить концептуальные признаки: доминантные ‘противозаконность’, ‘антисоциальность’, дополнительный ‘безнравственность’. Концепт обычно описывается как часть триады «закон» – «преступление» – «наказание».

Ю. С. Степанов ядром концепта «закон» называет концептуальный признак 'предел' [2, с. 571]. В упомянутых и других работах о русской ментальности и языковой картине мира ценностное содержание концепта «закон» – негативно воспринимаемое членами общества навязанное установление власти. Таким образом, в лингвокультурологической интерпретации взаимосвязанных концептов «преступление» и «закон» прослеживается противоречивость национального правосознания: сосуществуют осуждение противозаконного поступка и осуждение закона.

Возникает вопрос об источнике и хронологии формирования концептуальной структуры с именем «преступление», степени ее значимости в русской языковой картине мира и востребованности в социальной и юридической практике. «Словарь русской ментальности» констатирует наличие номинаций «преступление», «преступник» в древнерусском языке с XI–XII вв. Историко-лингвистические словари указывают на старославянское происхождение калькированных лексем, функционировавших в религиозных текстах, переведенных с греческого языка, а также в оригинальных древнерусских произведениях, содержащих значительную долю компонентов церковнославянского языка: «Синайская псалтырь», «Зографское евангелие» и др. [4, с. 552], «Изборник Святослава», «Слово Даниила Заточника» и др. [5, вып. 19, с. 61–62]. В указанных текстах реализованы лексические значения 'грех', 'нарушение закона'. Для старославянских текстов X–XI вв. характерно доминантное религиозное значение лексем «преступление / законопреступление», «преступник / законопреступник», «преступать / законопреступать»; большинство отступлений от Закона Божьего квалифицируется не только как грехи, но и как преступления, вследствие чего понятие преступления из социальной сферы (при язычестве) перемещается в религиозную [6].

Таким образом, исследуемые номинации, возникшие путем калькирования с греческого языка, были атрибутом книжной культуры, религиозно-нравственного дискурса византийской и южнославянской

ориентации, то есть для правовой сферы восточнославянской культуры их нельзя считать исконными. Полученная из указанных источников информация не дает ответа на вопрос о востребованности византийско-старославянской концептуальной структуры в социальной и юридической практике древнерусского общества. Сведения, необходимые для полноты представления о русской концептуализации преступления, содержатся непосредственно в правовых текстах и в специализированных научно-справочных изданиях по истории русского права и юридического языка. Материалы собственной выборки из памятников русского права [7; 8] сопоставлены с данными Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), содержащего незначительное количество правовых текстов [9]. Данное сопоставление необходимо для получения объективной картины функционирования репрезентантов концепта «преступление» в различных сферах коммуникации, в совокупности отражающих русское языковое сознание.

В древнерусском корпусе НКРЯ употребительность лексемы «преступление» составляет 11 словоупотреблений, то есть частотность низкая. Вхождения обнаруживаются в текстах духовно-религиозного содержания и летописных, соответственно основным значением лексемы является 'грех': «Житие Андрея Юродивого», «Изборник 1076 г.», «Притча о душе и теле», «Сказание о черноризском чине» и др.

В словаре древнерусских юридических терминов, охватывающем период IX–XVI вв., термин «преступление» отсутствует [10]. В древних юридических актах встречается нечастотный глагол «переступить» 'нарушить', что отражает незначительное влияние церковнославянского языка на древнерусский юридический язык: в Уставе князя Владимира Святославича XII–XIII вв. – «переступить правила» [8, вып. 1], в жалованных грамотах XV в. – «переступити грамоту» [8, вып. 2].

В древнерусском праве, в частности в «Русской Правде», включающей принципы устного права восточных славян VIII – пер-

вой половины IX в., для родового обозначения преступления использовался термин «обида» [10, с. 65; 8, вып. 2, с. 409; 11, с. 176–184; 12; 13]. В дальнейший период, до введения в XVIII в. терминов «преступление» и «преступник», наряду с термином «обида», затем вместо него в русском праве активно использовались родовые номинации «лихое дело» (и «лихой / лихой человек» – ‘преступник’), «злодейство» (и «злодей / злой человек» – ‘преступник’), «воровство» (и «вор» – ‘преступник’). Указанные репрезентанты концепта «преступление» имеют иную, чем у лексемы «преступление», внутреннюю форму и отражают иные доминантные концептуальные признаки, характеризующие специфику эволюции русского правового лингвосознания. Углубленное изучение приведенных выше номинаций концепта «преступление» выполняется в рамках отдельной работы.

Итак, в русском праве до XVIII в. византийско-старославянская концептуальная структура с именем «преступление» не была востребована для характеристики противоправных поступков. Поскольку письменное право было преемником архаичного устного, то речь может идти об этническом правовом архетипе. Считаем данный факт важным для осмысления древнерусской и более поздней правовой картины мира.

По данным терминологических указателей к серии сборников русских юридических документов термины «преступление», «преступник» появились в XVIII в. [8, вып. 8]. Выполнить анализ динамики употребительности номинаций концепта «преступление» в текстах основного корпуса НКРЯ возможно с 1700 г. Статистика свидетельствует о повышении значимости «преступления» как имени концепта в русском языковом сознании с XVIII в. Например, за период 1700–1800 гг. наблюдаем соотношение: «злодейство» – 126 словоупотреблений / 72 текста, «воровство» – 262 словоупотребления / 103 текста, «преступление» – 784 словоупотребления / 198 текстов. За период 1800–1900 гг.: «преступление» – 5 882 словоупотребления / 1 138 текстов, «воровство» – 1 127 словоупо-

треблений / 460 текстов, «злодейство» – 754 словоупотребления / 271 текст. К первым случаям употребления лексемы «преступление» в материалах НКРЯ относятся законодательные акты Петра I (26 вхождений). В НКРЯ представлена незначительная часть памятников права, поэтому полноценный корпусный анализ в настоящее время невозможен.

Показательны сведения историко-лингвистических словарей. В древнерусский период лексема «преступление» характеризовалась многозначностью, причем религиозное и юридическое значения взаимосвязаны: при толковании значения ‘нарушение закона, устава’ использованы цитаты из религиозных текстов, как и для значения ‘грех’. Аналогичными текстами иллюстрируется значение ‘преступник, нарушитель’ у лексемы «преступник» [5, вып. 19, с. 61–62]. Указанные сведения демонстрируют актуальность религиозной, а не юридической семантики данных лексем в период XI–XVII вв. В словаре русского языка XVIII в. у лексемы «преступление» религиозное и юридическое значения объединены в одной дефиниции ‘нарушение предписанных правил, закона’, которая сопровождается примерами словоупотребления только в религиозной сфере; соответственно «преступник» – ‘нарушитель предписанного закона, правила’ с примером из религиозного дискурса, хотя приведен оборот «государственный преступник» [14, ч. V, с. 762], очевидно, устойчивый. Таким образом, в XVIII в. юридическое значение у «преступление», «преступник» находится в процессе становления. К XIX в. у данных лексем закрепляется юридическое значение, отраженное словарными дефинициями и примерами словоупотребления: «преступление» ‘поступок, нарушающий закон; беззаконие, злодеяние’; «преступник» – ‘нарушитель закона, злодей’ («Преступление закона влечет за собою наказание»; «Виновный сознался въ своемъ преступлении») [15, т. III, с. 449]. Обратим внимание на фиксацию в словарных статьях синонимии лексем «преступление» / «злодеяние», «преступник» / «злодей», обу-

словленной ключевой ролью юридических номинаций «злодейство», «злодей» как в период до XVIII в., так и на его протяжении: в языке русского права «преступление» становится дублетом к термину «злодейство».

Термины группы «преступление» введены в юридическую речь законодательством Петра I. Нами произведена сплошная выборка из «Полного собрания законов Российской Империи». Контекстологический и валентностный анализ юридических актов позволяет отметить особенности вхождения в язык права новых терминов группы «преступление». Виды преступлений и санкции за них изложены в ряде кодексов: процессуальном кодексе «Краткое изображение Процессовъ или Судебныхъ тяжбъ», уголовном кодексе «Артикуль воинскій съ краткимъ толкованіемъ» – частях «Устава воинского» 1716 г. [7, собр. I, т. V, № 3006], государственно-административном кодексе «Генеральный Регламентъ или Уставъ» 1720 г. [7, собр. I, т. VI, № 3534] и др.

Терминогруппа «преступить / поступить против», «преступление», «преступник / преступитель» использована при номинации антигосударственных (оскорбление главы государства, судей; нарушение военного регламента, должностных обязанностей), религиозно-нравственных (оскорбление священников, нарушение правил церковной службы) и других видов правонарушений. Ядерные номинации имели вариативные формы, что подтверждает их новизну в юридическом языке. В этот период концепт «преступление» в юридическом лингвосознании коррелирует с понятием «правовой акт главы государства» – укрепляется формула «преступить указ / устав», например: «<...> дабы Фискалы могли лучше должность свою исправлять, и преступителей уставовъ и указовъ обличать» («Уставъ воинскій», гл. XLII, п. 1) и т. п.

Необходимо подчеркнуть, что в правовом лингвосознании XVIII в. структура концепта «преступление» включала разнообразные концептуальные признаки, сформированные в предшествующие периоды: 'зло', 'грех', 'воровство'. Концептуальный признак 'про-

тивозаконность', судя по хронологии появления термина «преступление», был более поздним. Об этом свидетельствуют свободные терминологические чередования в законодательных текстах. Например, в кодексе «Краткое изображение Процессовъ или Судебныхъ тяжбъ» находим такие ряды терминов: «преступление» (гл. II «О процессъ или тяжбъ»), «преступитель», «преступление» (ч. I, гл. II «О салфъ-кондуктъ или о свободномъ отпускъ», п. 2, 4, 6), «злое действо», «злодей» (ч. II, гл. V «О присягъ», п. 6), «преступление» и «злодейство» (ч. II, гл. V «О присягъ», п. 10), «злое действо», «злодейство» и «преступление», «преступник» (ч. II, гл. VI «О распросъ съ пристрастіемъ, и о пыткъ», п. 2, 3, 5, 6, 7, 8). Анализ результатов собственной выборки из законодательства Петра I демонстрирует иное соотношение частотности терминов «преступление», «преступитель» и «злодейство», «злодей», в отличие от общезыковой статистики НКРЯ за период 1700–1800 гг. (приведена выше): в юридическом дискурсе частотность обеих групп терминов одинакова, что может свидетельствовать и о значении юридической традиции, о консервативности языка права, и об этнокультурной ориентированности юридического лингвосознания, его обращенности к национальным константам, в том числе к концепту «зло», с другой стороны. Подтверждена и актуальность концептуального признака 'грех' в структуре концепта «преступление» XVIII в.: терминологические чередования «погрешение (прегрешение)» / «преступление», «погрешить (согрешить)» / «преступить» [16].

Таким образом, концептуальную структуру с именем «преступление» в XVIII в. нельзя назвать доминантной, поскольку в юридических текстах продолжали функционировать более ранние по происхождению репрезентанты концепта «преступление»: «злодейство», «воровство», «лихое дело», «погрешение».

Термин «преступление» официально закреплен в XIX в. «Уложение о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ» 1845 г. [7, собр. II, т. XX, ч. 1, № 19283] содержит полноценные дефиниции терминов «пре-

ступление» и «проступок»: 1) «Всякое нарушение закона, чрезъ которое посягается на неприкосновенность правъ Власти Верховной и установленныхъ Ею властей, или же на права или безопасность общества или частныхъ лицъ, есть преступленіе»; 2) «Нарушеніе правилъ, предписанныхъ для охраненія опредѣленныхъ законами правъ и общественной или же личной безопасности или пользы, именуется проступкомъ». «Преступление» и «проступокъ» в тексте «Уложения» получаютъ атрибутив «противозаконное деяніе». Следовательно, в юридическомъ языковомъ сознании XIX в. закрепляется прямая связь концептов «преступление» и «закон». Какъ было показано выше, частотность функционирования лексемы «преступление» в русскомъ языке в XIX в. примерно в 8 разъ выше, чемъ в XVIII в. [9]. В этотъ периодъ можно говорить об утвержденіи концептуальной структуры с именемъ «преступление» в русской языковой картине мира.

Подводя итоги, отметим подтвержденіе выдвинутой гипотезы о несовпадении со-

временного и исторического ядра концепта «преступление». «Преступление» как имя концепта вводится в XVIII в. и начинает доминировать к XIX в. Для русской языковой картины мира данная концептуальная структура является достаточно поздней, учитывая длительность развития правовой системы. «Преступление» как имя концепта предполагает объективную, внешнюю норму (закон, предписание власти) и ее осознанное нарушение (буквально переход за запретную черту). Для понимания специфики эволюции русского правосознания важно учитывать разнообразные исторические формы репрезентации концепта «преступление», являющиеся важными компонентами русской языковой картины мира: «обида», «лихое дело», «злодейство», «воровство», «погрешение». Сложность структуры русского концепта «преступление» отражает связь права с социальными и морально-религиозными нормами, с национальными ценностями, свидетельствует об этнокультурной идентичности правосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014.
2. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академич. проект, 2001. 990 с.
3. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2006. 624 с.
4. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. 842 с.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1975.
6. Михин А. Н. Взгляд на преступление, вербализованный устойчивыми словесными комплексами в памятниках старославянской письменности // Духовные истоки русской языковой картины мира и тенденции ее развития: коллектив. монография. Магнитогорск: МаГУ, 2010. С. 45–57.
7. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. I, II, III. СПб., 1830–1885.
8. Памятники русского права: в 8 вып. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1952–1961.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.02.2022).
10. Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М.: Спарк, 2001. 119 с.
11. Unbegaun V. O. Selected Papers on Russian and Slavonic Philology. Oxford: At the Clarendon Press, 1969. 341 pp.
12. Арискина О. Л. О языковой личности автора / авторов Русской Правды // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков: материалы к словарю-справочнику. Вып. 1. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. С. 33–40.
13. Георгиевский Э. В. К вопросу об этимологии некоторых терминов древнерусского уголовного права // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков: материалы к словарю-справочнику. Вып. 2. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. С. 30–42.

-
-
14. Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб., 1789–1794.
15. Словарь церковнославянского и русского языка: в 4 т. СПб., 1847.
16. Попова Л. В. Актуализация концепта «грех» в русском юридическом языковом сознании XVIII века // Вестник Челяб. гос. ун-та. Вып. 84. Филология. Искусствоведение. 2013. № 31 (322). С. 118–120.

© Попова Л. В.

**ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ.
МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

УДК 159.9:351.741.088.4/.5(470)

М. К. ГАЙДАЙ, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, доктор социологических наук, доцент (г. Иркутск)

M. K. GAIDAI, head of the department of philosophy and socio-humanities of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of sociological sciences, associate professor (Irkutsk)

Г. А. КУЗЬМИНА, преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск)

G. A. KUZMINA, teacher of the department of philosophy and social and humanitarian disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Irkutsk)

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**PSYCHOLOGICAL FEATURES OF PATRIOTIC EDUCATION OF EMPLOYEES
OF INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В статье проанализированы ключевые психологические особенности и закономерности формирования позитивного, созидательного патриотизма в рамках воспитательной работы с сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации. Рассмотрены основные закономерности патриотического воспитания будущих и действующих правоохранителей, даны некоторые рекомендации по наиболее продуктивному и успешному осуществлению воспитательной работы в данном направлении. Детально изложены возможные сложности и ошибки, возникающие при трансляции патриотических идей и учений. Приведено обоснование необходимости и высокой значимости